

СОЛДАТ БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ

[...] Ушаков оказался «стреляющим» командиром». Он ставил батареи на закрытые огневые позиции, каждый раз разные, цели с позиций было не видно.

Сам с командирами уходил на НП. Цель, если смотреть в стереотрубу, казалась совсем рядом, руку протяни, и достанешь, хотя до нее было километров пять-шесть. Дальше начиналось таинство – нанесение на планшет исходных данных для стрельбы: ДК (дальность от командира до цели) и ДВ (дальность от командира до батареи), и еще расстояние от ОП до цели, исчисление углов артиллерийского треугольника. И еще важно знать, как стреляем. Огонь сосредоточенный, всеми стволами в одну точку, или наводим параллельно, разрывы пойдут по фронту. Выберем репер... Одинокая сосна на склоне – это хорошо, очень заметна, наводить легко... А если противник ее собьет, этот репер? Уж лучше кромка леса... Ну-с, товарищи командиры, засекайте время, следите за мной...

Ушаков учил людей стрельбе с сокращенной подготовкой. На эти расчеты отводилось от двух до трех минут, у Николая Григорьевича уходило не больше двух, иногда и полторы; после пристрелочных выстрелов брал цель в «вилку» - недолет столько-то метров, перелет столько-то, поправку вносил без расчета, по врожденной интуиции. После залпа всей батареей летели вверх бревна накрытого блиндажа, завтра хозроте строить новый, в другом месте, чтобы было по чему стрелять...

Потом Ушаков оборачивался к командирам – С кого сегодня начнем? Кто пробует первым? Командир обязан рассуждать вслух, что делает и почему... Ушаков слушал и кивал – Подавайте команду на ОП! Или усмехался – У вас снаряды куда пойдут? По цели или в обратную сторону? Самих себя не накроем? Отойдите, сядьте в сторонке, пока ошибку не найдете, не подходите ко мне. Кто следующий?

22 мая 1942 года в полк нагрянуло высокое начальство с проверкой, которая длилась ровно неделю. Результаты проверки даже для самого Николая Григорьевича оказались неожиданными: полк был признан лучшим в округе по всем статьям. Комиссар из проверяющих, подводя итог, сказал Ушакову: «Даже не верится, что полк всего месяц как сформирован, он выглядит, как старый кадровый полк!»

...5 августа 1942 года 1166-й ПАП очутился в лесу под Коломной, в ста километрах южнее Москвы. Эшелон шел на фронт, чего ради завезли полк именно сюда. Ушаков не понимал: на Западном направлении в эти дни было достаточно спокойно, тяжелейшие бои шли много южнее, у Воронежа...

СТАЛИНГРАД

«... Уже очень скоро мы стали убеждаться в том, что нам не уйти с берегов Волги и что в Сталинграде настигла нас неотвратимая судьба».

Из воспоминаний Иоахима Видера,
офицера разведки 6-й германской армии.

Артиллерийский полк Н.Г. Ушакова бросили в самое пекло боев, на дальние подступы к Сталинграду, задача была – вместе с пехотой 62-й армии преградить путь к немцам, не пустить их к городу.

Ушаков знал, что броня немецких танков Т-4 удара его орудий не выдержит, но у него было всего тридцать шесть пушек, а у немцев целый танковый корпус, и уцелеть в том бою у артиллерийского полка – если немцы прорвут фронт, - никакой надежды не было: ни изменить позиции, ни уйти от немецких танков полк не мог. Потому главная задача была – не

допустить немцев на огневые позиции, расстреливать танки на расстоянии...[...]

[...] Теперь, когда бои в Сталинграде закончились, полк Ушакова из 21-й армии должны были забрать – то ли вывести в резерв Донского фронта, то ли перебросить на запад, на линию внешнего кольца, а куда именно Ушакову было неизвестно, но, прощаясь с ним, начальник артиллерии 51-й дивизии полковник Бобровников протянул бумагу: «Вот тебе, Николай Григорьевич, от дивизии великая благодарность, мы тебя представили к ордену Александра Невского, а твой полк – к ордену Боевого Красного знамени».

Но, как обычно бывает, командование Донского фронта рассудило по-своему. Оказалось, что генерал Казаков, командующий артиллерией фронта, внимательно присматривался к командирам артиллерийских частей, к их действиям, и полк Ушакова произвел самое лучшее впечатление: решения командира оказались в высшей степени грамотными, боевая стрельба эффективной, потери, при всем ожесточении боев, минимальными. Этот майор, призванный в армию из запаса, закончивший Томскую артшколу в давнем 1923 году, оказался прирожденным офицером, талантливым артиллеристом, и полк он сам сформировал, и выучил, и ввел в дело. Вот тут, 1 февраля, и поступило представление командующего 21-й армии генерала Чистякова. Генерал считал, что майор Ушаков достоин ордена Боевого Красного знамени, и Казаков это представление не только поддержал, но и от себя добавил: «А весь полк за грамотные действия, за великую самоотверженность в боях следует преобразовать в гвардейский». [...]

[...] Затем Ушакову пришлось подробно рассказывать о той тактике, которую он применил в борьбе с тяжелыми немецкими танками, командуя истребительной бригадой...

Гамов отпустил Николая Григорьевича только через час, заглядывавших в кабинет полковников с папками в руках выпроваживал нетерпеливым взмахом руки: «Не мешайте!». Прощаясь Гамов спросил: «Есть где остановиться в Москве? Или устроились в офицерской гостинице? Ах, у

сестры...». Предупредил: «На неделю я Вас задержу, раньше решение не могу принять...». Глядя в спину уходящего по ковровой дорожке подполковника, подумал сочувственно: «Как он управляется без руки? Как щеки бреет. Как китель застегивает? Как сапоги натягивает?».

Генерал-майор Гамов, после разговора с Ушаковым убежденный, что этот однорукий подполковник действительно полезен для армии, сделал за неделю два великих дела: он приказал включить подполковника Ушакова Н.Г. в приказ по армии о присвоении ему звания полковника, поскольку Указ давал для этого основание.

Сталин, как нарком обороны, подписал этот приказ за № 03589 десять дней спустя, 17 ноября.

В эти же дни Гамов запросил по ВЧ генерала Казакова: готов ли штаб артиллерии Белорусского фронта взять на службу полковника Ушакова, потерявшего в боях с немецко-фашистскими захватчиками правую руку?

Ответ пришел сутки спустя: штаб артиллерии фронта готов был принять Ушакова для прохождения службы.

[...] Перед началом нашего нового наступления Ушаков успел сделать многое. Разумеется, прежде всего, его разведчики до самого последнего дня, до сигнала атаки, каждую ночь проникали через немецкие позиции в их тыл. Одни поисковые группы возвращались благополучно, без потерь, другие прорывались обратно с боем, теряя людей, но, в конце концов, Ушаков получил довольно ясную картину расположения немецких позиций: противник успел создать основательную «ХКЛ», то есть «Хаупткамплинии», означает по-немецки «Главная боевая линия». Немцы отрыли траншеи полного профиля, глубина обороны достигала трех километров, между траншеями вырыты разветвленные ходы-сообщения, построены укрытия для пехоты; станковые и ручные пулеметы немцы во второй и третьей линиях траншей, на передней линии оставили небольшое количество кочующих пулеметов. В глубине немецкой обороны обозначились артиллерийские и минометные позиции, калибры орудий от 75-

ти до 150-ти миллиметров, еще семь минометных батарей; предполье немцы прикрыли колючей проволокой, где в два, где в три кола, спиральями Бруно, минными полями – выходит, немцы три месяца передышки тоже использовали максимально.

Поисковым группам удалось перетащить на нашу сторону несколько пленных, так что Николай Григорьевич точно знал, что в траншеях против него стоит 214-я пехотная дивизия, что в районе деревне Секерка сосредоточены тактические резервы: фузилерный батальон и батальон штрафников.

Николай Григорьевич приказал начальнику штаба Карчевскому: «Готовь, Иван Иванович, к 11 января боевой приказ по бригаде: каждый полк чтобы имел огневые разьезды, так их назови; начальниками огневых разьездов назначь заместителей командиров полков по строевой» [...]

[...] Утром 27 января Поваляев начал бой за город и к обеду выиграл его, массированного огня четырех дивизионов немцы не выдержали. Они и не думали контратаковать, стали поспешно отходить на запад, к Одеру, как делали это вот уже третью неделю...

Генерал Цветаев, командующий 62-м Неманским корпусом, в тот же день сказал Ушакову: «Николай Григорьевич, с твоей тактикой согласен: сажай на свои «студебеккеры» (устоявшееся название грузового автомобиля американской фирмы StudebakerCorporation– ред.) по одному батальону пехоты на каждый твой полк. Пехоту тебе даст 222-я дивизия. С каждым твоим полком пойдёт по батарее самоходок, тебе быть в группе старшим. С этого дня твоя группа будет двигаться впереди главных сил корпуса, задание на сутки будешь получать лично от меня. Отрыв от корпуса – не более чем на два перехода. Сядь немцам на пятки и не давай им оторваться! И помни: чем их больше уйдет за Одер, тем труднее нам будет форсировать реку!»

НА БЕРЛИН!

«Для высших командных инстанций начинается последний акт драматической гибели германских вооруженных сил».

Из дневника ОКВ,
запись от 20 апреля 1945 г.

[...]

Знал Казаков и о том, как с началом наступления действовала 35-я бригада, каким разумным офицером показал себя Ушаков: договорился с командующим корпусом и с его согласия собрал воедино все минометы пехотных частей, создал при себе ещё один минометный полк – массированным огнем пяти полков проломил, вспорол немецкую оборону, и покатались немцы от Вислы до самого Одера, за 21 день нашего непрерывного наступления нигде, ни на одной из семи линий обороны практически не зацепились, не удержались, не смогли...

Теперь, когда все бои остались позади, когда надо было решать, какой наградой увенчать все то, что свершил Николай Григорьевич, Казаков – при всем его уважении к мнению Н.Э. Берзарина! – все же отложил реляцию 5-й ударной армии и не колеблясь подписал представление на звание Героя Советского Союза.

Указ Президиума Верховного Совета последовал необычайно быстро – 31 мая 1945 года, а две недели спустя Николай Григорьевич Ушаков принял левой своей рукой Золотую звезду; чествование прошло по всем четырем полкам поочередно, чтобы никого не обидеть...